

русским монастырем, причем невольно вспоминается знакомый нам по Патерику Шимон-варяг и его отношения с Клево-Печерским монастырем. Неприятным обстоятельством для исследователя, ищущего конкретных данных в этих текстах, является то, что скальд Бранд, на которого ссылается Кг., совершенно неизвестен в др.-сев. литературе, в связи с чем было бы рискованно говорить о его строфе, как об историческом источнике, каковыми являются, вообще, дошедшие до нас песни скальдов.

Согласно намечаемой здесь группировке скандинавско-византийско-усских преданий в др.-сев. литературе, OsT и Þorv. þ можно отнести к одной группе. В построении самой биографии Олафа и Торвальда мне представляются следующие параллельные черты. Оба являются христианизаторами у себя на родине и авторы стремятся возвеличить их, как таковых. Торвальду предсказывает в его юности славное будущее языческая вещунья (Þorv. þ. I, 3 сл.), как Олафу — мать Вальдамара и другие прорицатели на Руси.¹ Оба отправляются из Греции на Русь в качестве усердных приверженцев христианства, но тема посредничества варягов в деле обращения Руси, представленная в лице Олафа у Ода, украсившего этим благочестивым предприятием биографию (местами, как уже было сказано — почти что житие) своего героя, в Þorv. þ. является уже в ослабленном и менее отчетливом виде: прямого указания на цели религиозного характера здесь нет; если бы автор не секуляризировал, так сказать, деятельность Торвальда, сделав его главой над русскими князьями и политическим ставленником греческого императора, а изобразил его миссионером, картина получилась бы, если не более правдоподобная в историческом отношении, то, во всяком случае, Drafnagtes, и др. Преимущественно, это — название Фиордов (др.-сев. drǫfn — вода, волна) и для горы мало подходит. Остается неясным, является ли Drǫfn в Кг. и Þorv. þ. переводом какого-нибудь подлинного древне-русского местного названия или переделкой такового на скандинавский лад. Интересно было бы попытаться разъяснить вопрос об этой горе и о монастыре Иоанна путем тщательного исследования топонимики и топографии окрестностей Полоцка; пока у нас имеется только указание на монастырь этого имени на о. на Двине в Географическо-статистическом словаре Семенова, IV, 165, что уже отмечено В. А. Бримом (ук. соч., 218).

¹ Предсказания, особенно со стороны вещей женщин, в сагах вообще нередки. Интересно отметить этот литературный прием в тех случаях, когда языческие прорицатели предвещают появление новой веры и прославляют ее, или предсказывают славное будущее герою, которого данная сага выдвигает как христианина, т. е. соединение языческого элемента с церковной тенденцией текста и подчинение ей; так напр., в одной повести, датированной нач. XIV в. (o rst. þáttir uxafóts. Flat., I, 255), в такой роли выведен обитатель кургана (haugbúi) — образ, весьма распространенный в скандинавском фольклоре. В эпизоде с вещуньей в Þorv. þ. эта тенденция выражена сравнительно слабо; говорится лишь в общих чертах о том, что Торвальд будет по многим причинам славнее всех своих родичей, а интерес повести сосредоточен здесь на том, чтобы отец Торвальда снабдил его деньгами и отпустил в чужие земли; он уезжает, становится викингом, впоследствии принимает христианство и т. д.

172425.

